

За завтраком Илай ковырялся ложкой в тарелке с жареной фасолью, веки его казались свинцовыми, а голова то и дело клювала носом, грозя угодить прямо в чашку с молоком. Гарри и Рон выглядели ничуть не лучше: оба лежали на столах, подперев головы локтями, и беспрестанно зевали.

— Знай я, что мы проболтаем допоздна, ни за что бы... — невнятно пробормотал Рон, голос его всё еще звучал хрипло со сна.

Илай кивнул и снова зевнул:

— Я сейчас могу уснуть, даже не закрывая глаз.

Кое-как дотянув до урока истории магии, они погрузились в атмосферу, где голос профессора Бинса действовал как встроенное заклинание сонного зелья, монотонно и гулко разносившееся по классу. Илай сидел за партой, прислонившись спиной к стене, изо всех сил стараясь держать глаза открытыми, но буквы в учебнике расплывались в одно сплошное мутное пятно. В конце концов он уткнулся лицом в согнутые локти, решив вздремнуть хоть пару минут — из-под рукава торчал лишь растрепанный вихрь волос.

На задней ряду Теодор Нотт, крутя в пальцах гусиное перо, деланно записывал конспект, однако боковым зрением то и дело украдкой бросал взгляды через несколько рядов — как раз туда, где сидел Илай. Мальчик свернулся калачиком, его плечи едва заметно вздымались и опускались: он явно спал. Солнечный свет падал сквозь оконное стекло на его зардевшиеся кончики ушей, окрашивая их в нежный розоватый оттенок.

Кончик пера Нотта замер на мгновение, но тут же продолжил движение, словно ничего не бывало. Только вот этот взгляд задержался на Илае на пару секунд дольше обычного, прежде чем парню удалось беспристрастно отвести глаза и вновь приняться за выведение строк на пергаменте, хотя почерк вышел чуть более неровным, чем прежде.

Лишь когда профессор Бинс громко объявил тему для опроса — «Волкановые законы XIV века», — Илай резко подскочил, осоловело моргая. Встретившись взглядом с парящей в воздухе головой профессора, он в ту же секунду протрезвел наполовину: похоже, ночная вылазка обошлась ему в виде абсолютной «потери связи с реальностью» на уроке истории магии.

Профессор Бинс плыл над возвышением учительского стола, обводя мутным взглядом полусонных учеников внизу. Вообще-то, за столько лет он давно уже привык не замечать все эти детские шалости вроде тайной дремоты или витания в облаках на уроках — в конце концов, его лекции испокон веков славились снотворным эффектом.

Но сегодня, скользнув взглядом по Илаю, он неожиданно притормозил. Этот мальчик всегда отличался живым взглядом, сидел прямо, а когда его вызывали, отвечал быстро и четко; хотя сейчас он и сидел уткнувшись носом в парню, словно сонный птенец, Бинсу с первого взгляда пришлось по душе эта его сообразительность.

Профессор внезапно проникся некоторым интересом, прочистил горло (хотя его собственному горлу это давно уже было не нужно) и неторопливо произнес:

— Итак, мистер Илай Лайт, ответьте-ка нам: каково содержание третьего дополнительного положения к закону о волколаках XIV века?

Илай как раз вел незримую борьбу со сном, когда прямо посреди схватки его имя прозвучало в тишине. Вздрыгнув, он резко вскинул голову — растрепанные волосы торчали во все стороны, а во взгляде читалось полное непонимание, как у потревоженного дикого зверька.

Тихий смешок, прокатившийся по рядам, заставил его щеки слегка порозоветь. Собравшись с духом и пытаясь нашарить в затуманенной памяти хоть какие-то обрывки из учебника, Илай запинаясь выдавил:

— Это... это правило о том, что в полнолуние волколаки обязаны сообщать о своих передвижениях в местное Министерство магии?

Профессор Бинс кивнул и подплыл чуть ближе:

— Весьма неплохо. Похоже, вы спали не до конца. Садитесь, в следующий раз слушайте внимательнее.

В его голосе слышалось даже легкое, едва уловимое снисхождение.

Илай с облегчением выдохнул, торопливо выпрямился и украдкой погладил себя по груди. А на задней ряду Нотт чуть сильнее сжал в пальцах гусиное перо — тот сонливый и слегка растерянный вид, с которым Илай поднял голову секунду назад, почему-то намертво отпечатался в его памяти.

К счастью для Илая, до конца урока оставалось меньше десяти минут, когда профессор задал вопрос. Ответив на него и сев на место, парень все еще чувствовал, как отчаянно колотится сердце, но профессор просто вернулся к своему столу и продолжил бубнить про средневековый магический совет, больше на него даже не глядя.

Тихонько вздохнув, Илай положил локти на парню, и голова вновь потяжелела, норовя упасть вниз — в конце концов, до звонка рукой подать, так что еще немного вздремнуть явно не возбраняется. Теплое солнце приятно припекало спину, голос профессора доносился словно шум ветра издалека, и стоило ему сомкнуть веки, как он вновь провалился в глубокий сон. На этот раз заснул он настолько крепко, что даже когда Рон толкнул его локтем, не последовало никакой реакции.

На самом деле профессор Бинс уже давно заметил его краем глаза, но лишь неторопливо перевернул страницу конспекта. Бедняга мальчик, судя по всему, толком не спал ночью, а под

глазами залегли бледные тени; раз уж на вопрос он ответил правильно, лишние несколько минут сна ему ни капли не повредят.

Лишь когда посмертный скрежет отодвигаемых стульев нарушил тишину, Гарри наконец растолкал Илая. Тот протер глаза и ошарашенно огляделся:

— Уже перемена?

— Давно прозвенел! — Рон уже успел закинуть вещи в сумку. — Ну ты даешь, профессор Бинс тебя даже не прищемил.

Илай зевнул и сладко потянулся так, что в костях отчетливо хрустнуло:

— Наверное, профессор и сам считает свои уроки слишком снотворными.

Прихватив сумку, он поплелся вслед за друзьями к выходу, чувствуя в душе странное облегчение: как хорошо, что профессор проявил снисхождение, иначе этот сон не выдался бы таким спокойным.

<http://bllate.org/book/21835/2262310>